

Г. М. ШИПИЦЫНА, Е. А ОГНЕВА.
(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород)

О НЕОБЫЧНОМ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ В ПЕРЕВОДАХ ЛЕКЦИЙ ПО ЛИТЕРАТУРЕ В.В. НАБОКОВА

Аннотация. В аспекте категории «языковая игра» в статье рассматриваются отдельные слова в текстах лекций по русской литературе Владимира Набокова, переведенных с английского языка на русский. Это слова, оказавшиеся в необычных для речевого стандарта русского языка словосочетаниях вследствие усилий переводчика не только точнее донести до читателя основное содержание лекций великого писателя, но и сохранить тончайшие нюансы прагматики текста, а также моменты языковой игры. С использованием различных словарей авторы статьи проводят углубленный историко-лингвистический анализ изучаемых языковых средств, сопоставительный анализ текстовых фрагментов лекции Владимира Набокова на русском и английском языках, приводят данные проведенных экспериментов.

Ключевые слова: словари, переводной текст, обновленная сочетаемость слов, контекстные смыслы, прагматика текста.

Введение. Владимир Набоков относится к числу наиболее ярких талантов среди выдающихся писателей мировой литературы XX века, создававший свои произведения и на английском, и на русском языках. Его творчество и особенности идиостиля в России пока не получили тщательного изучения, что делает наше исследование достаточно актуальным.

Материалом для наших разысканий послужили лекции по русской литературе, прочитанные Владимиром Набоковым для американских студентов, очевидно, на английском языке. В качестве исследуемого текста мы использовали сборник этих лекций [Набоков 1996]. Сам Владимир Набоков относился к переводам с недоверием и критически, эмоционально ругал всякого

переводчика, который «Вместо того, чтобы облечься в одежды автора, <...> наряжает его в собственные одежды» (В. Набоков. «Искусство перевода»).

В данной статье мы ограничимся лингвистическими наблюдениями за необычными для русского языка словоупотреблениями (с обновленной сочетаемостью слов) в аспекте языковой игры.

Основная часть. В переводном (с английского языка на русский) тексте лекции «Максим Горький» (переводчик А. Курт) наше внимание обратило на себя не характерное для русского речевого стандарта употребление слова *меню* в обновленной сочетаемости (в рассуждении Владимира Набокова о Московском Художественном театре):

«Наверное, сейчас уместно сказать несколько слов об этом удивительном театре. До его возникновения самое изысканное меню, которое могли получить российские театры, в основном предлагалось столичными императорскими театрами. У них было достаточно средств, чтобы привлечь самые дорогостоящие таланты, но возглавляли их люди весьма консервативные, что в искусстве нередко приводит к убогости и ограниченности, так что даже лучшие постановки отличались необычайной банальностью ....».

Как очевидно из контекста, заимствованным русским языком из французского словом *меню* обозначено понятие *репертуар* (*театра*). Однако в русском языке не было и нет ни такого значения, ни такого употребления у слова *меню*. В словарях исторических толковых словарей, в том числе словарей иностранных слов, его нет (Даль, СЯ XI-XVII, ТСУ, СИС, ЯП и др.). До периода компьютеризации нашей деятельности слово *меню* во всех словарях современного русского языка (БТС, РТС, МАС, ТСУ и др.) фиксировалось с двумя значениями (в разных словарях они даны в разном порядке): *меню-1* – «набор кушаний в столовых, ресторанах и т. п.» и *меню-2* «листок бумаги с записью этого набора». Сочетаемость этого слова была в пределах этих двух значений: *нравится меню, богатое меню и подайте меню, блюдо есть в меню* (УССС). В конце XX века в специальном языке информатики появилась семема *меню-3* со значением «список программ или функций, предоставляемых пользователю на вы-

бор», которая и стала из трех вышеназванных наиболее частотной в речи современных россиян (ТСХХI, ТСЯИ). В НКРЯ все примеры во всех его отделах иллюстрируют только эти три значения. Таким образом, употребления слова *меню* в значении «репертуар (театра)» для русского языка прошлых времен и языка современности в иных источниках нами не зафиксировано.

Образование окказионализма *меню-4* – «репертуар театра» в результате внутрисловной деривации от любого из трех вышеназванных словарных значений слова *меню* исключительно в пределах русского языка маловероятно. Если все же пойти этим неправильным путем, можно предположить, что окказиональная семема *меню-4* в набоковской лекции мотивируется семемой *меню-3* «список программ или функций, предоставляемых пользователю на выбор», однако «мотивирующая» семема *меню-3* появилась не в результате внутрисловной деривации, а путем заимствования из английского языка, который, в свою очередь, заимствовал само это слово из французского языка. Полагаем, что окказиональное *меню-4* в тексте лекции появилось под влиянием английского, а также и французского языков, и *меню-4* это заимствованная семема, как и семема *меню-3*. Обратимся к анализу семантической структуры этого слова в оригинальном тексте лекции и в языке-источнике, то есть во французском языке.

Контекст из оригинала лекции В. Набокова «Maxim Gorki»: *«Perhaps it is appropriate at this juncture to say a few words about this amazing Theatre. Before it came into existence, **the best theatrical food** the Russian theatre-goer could obtain was largely confined to the Imperial companies of Petersburg and Moscow. These had at their disposal considerable means, sufficient to engage the best available talent, but the administration of these theatres was very conservative, which, in art, may often mean very stuffy, and the productions, at best, were on extremely conventional lines» (Nabokov V. Maxim Gorki).*

В оригинале текста лекции В. Набокова нет слова *menu*, но есть словосочетание *the best theatrical food* («наилучшая театральная пища»). Именно это словосочетание переводчик заменил словосочетанием *изысканное меню (театра)*, стремясь сохранить не только основную семантику этого словосочетания, но и нюансы смысла, исходящие из семы «пища» – В. Набоков:

театральная пища, переводчик: *изысканное меню* (театра) в смысле «его репертуар».

В базовом французском словаре «Le Robert Misco» зафиксировано два омонимичных слова *menu*. Имеется две словарные статьи: в первой словарной статье *menu*, *ie adj.* 1. *menu* (имя прилагательное) «то, что имеет небольшой объём, синоним – *маленький*». 2. «То, что имеет небольшую значимость, небольшую ценность, *незначительные детали чего-либо, копеечное меню*». 3. Adv. *menu* «нечто мелкое, например, *en menus morceaux* (*мелкие кусочки*)». Во второй словарной статье *menu*, *n,m* 1. *menu* (имя существительное) «подробный перечень блюд, например, *меню ресторана (с фиксированными ценами)*». 2. «Перечень операций, представленных на экране компьютера для пользователя» (Le Robert Misco, 1993).

Наш вывод: поскольку во французском языке, так же, как и в русском, нет ни отдельного значения, ни употребления слова *меню* как «репертуар театра» и поскольку В. Набоков употребил в оригинале словосочетание *the best theatrical food* («наилучшая театральная пища»), переводчик нашел удачный вариант перевода этой конструкции и, что особенно важно, сохранил при этом момент языковой игры самого Набокова. В целом это обеспечило донесение до русскоязычного читателя всего комплекса смысловых нюансов контекста лекции В. Набокова.

Обратимся ещё к одному необычному для языкового сознания современного русского человека, обновленному словоупотреблению в лекции Владимира Набокова «Пошляки и пошлость» (перевод с английского А.Курт), оно связано со словом *галантерейный*:

Обыватель и мещанин – в какой-то степени синонимы: в обывателе удручает не столько его повсеместность, сколько сама вульгарность некоторых его представлений. Его можно назвать «благовоспитанным» и «буржуазным». Благовоспитанность предполагает галантерейную, изысканную вульгарность, которая бывает хуже простодушной грубости.

Лекция В. Набокова в оригинале называется «Philistines and Philistinism» («Мещане и мещанство»), но в переводе это название звучит как «Пошляки и пошлость». Полагаем, что переводчик удачно подобрал эквиваленты, поскольку слово *мещане* в

период жизни В. Набокова в основном значении обозначало «принадлежащие к мещанскому сословию» (МАС-2). Это значение не имело никакой коннотации, потому не могло выразить тончайшие смыслы набоковского словоупотребления *мещане и мещанство*, следовательно, переводчик сумел точнее выразить содержание этой лекции в ее названии.

Рассмотрим оригинал вышеприведённого контекста: "*Vulgarian*" is more or less synonymous with "*philistine*": the stress in a *vulgarian* is not so much on the conventionalism of a *philistine* as on the vulgarity of some of his conventional notions. I may also use the terms *genteel* and *bourgeois*. *Genteel* implies **the lace-curtain refined vulgarity** which is worse than simple coarseness» (Nabokov V. *Philistines and Philistinism*). В своей лекции В. Набоков употребил словосочетание *the lace-curtain refined vulgarity* (*обывательская/мещанская вульгарность*), однако переводчик предложил вариант перевода *галантерейная, изысканная вульгарность*, в котором *the lace-curtain* (*обывательская/мещанская*) заменено на *галантерейная*. Проанализируем эту замену.

В современном русском языке во всех его стилевых разновидностях заимствованное из западноевропейских языков слово *галантерейный* употребляется с единственным значением «относящийся к галантерее», то есть товарам личного обихода, мелким принадлежностям туалета – булавки, гребенки, перчатки, пуговицы, кружева, шнурки и т. п.» (БТС, МАС, РТС), например, *галантерейный отдел магазина*. А значение, в котором употреблено слово в переводном тексте набоковской лекции, то есть *галантерейный-2*, зафиксировано в словарях второй половины XX века, например, в МАС-2 с пометами *перен., разг., устар., ирон.*: «чрезвычайно любезный, вежливый до слащавости». Эта семема устарела, тем не менее, известна читающей публике, поскольку она функционировала в языке персонажей классической русской литературы, например, в знаменитом монологе Осипа, слуги Хлестакова, это слово выглядело естественно в его воспоминаниях о жизни в Петербурге: *Галантерейное, черт возьми, обхождение! Невежливо слово никогда не услышишь, всякий тебе говорит «вы»* (Н.В. Гоголь. Ревизор). Очевидно, что семема *галантерейный-2* и раньше имела ограничения в использовании (сфера разговорного языка).

Неверное истолкование значения слова в произведении литературы приводит к непониманию его содержания и замысла писателя. Проведенный нами эксперимент в студенческой аудитории это вполне подтвердил. Большая часть наших информантов (84 %) (студенты-филологи) на вопрос *Что Вы можете сказать о словосочетании галантерейное обхождение в монологе Осипа* (предлагался контекст с вышеприведенной в данной статье фразой из «Ревизора») ответили примерно так: «Осип неграмотный, он перепутал слова *галантное* и *галантерейное*. А Н.В. Гоголь так написал, чтобы было соответствие речи слуги с его необразованностью». А 10 % опрошенных дали такой примерно ответ: «Это смешно сказано. Так нельзя говорить, но это надо знать стиль Гоголя, его выкрутасы». Подобные ответы ожидаемы, поскольку осмысление устаревшего слова базируется на языковом сознании современности, носители языка опираются на собственные представления о семантике слов, не зная их истории. Концептуализируя, номинируя и оценивая реалии действительности, «человек не может выйти из круга своей жизни» [Потебня 1976: 256] (в современной лингвистике это принято это называть отражением человеческого фактора в языке).

Время закрывает от нас фрагменты культуры общения прошлого, особенно, если это устное общение. Однако если стать на точку зрения студентов, получается, что в переводном тексте лекции Владимира Набокова слово *галантерейный* тоже выполняет смеховую функцию, тем более, что его употребление напоминает фразу гоголевского Осипа, то есть выглядит еще и как реминисценция в функции языковой игры. Однако такой вывод без специального анализа был бы необоснованным. Как писал академик В.В. Виноградов, «Историко-лексикологическое изучение слова предполагает точное знание его семантических границ в разные периоды развития языка» [Виноградов 1955: 7], поскольку последующие поколения носителей языка, как правило, переносят современное им понимание значений слов на предшествующие эпохи развития языка и не могут учитывать процессы постоянных семантических изменений в слове.

На самом же деле у слова *галантерейный* как производного от слова *галантерея* было то же значение, что и у слова *галант-*

ный, и гоголевский Осип и переводчик А. Курт употребили слово правильно, в соответствии с потенциалом его смыслов,

Есть основания полагать, что под единой звуковой оболочкой *галантерея* в русском языке ХУ111 – Х1Х веков были объединены два разных, заимствованных из разных языков слова с общим по происхождению латинским корнем *gallant*. Они имели не только близкое для русского уха звучание, но и могли иметь в восприятии народа близкие значения. Первое слово с ХУ1 века было известно как *галантерия* от французского *galanterie* со значением «обходительность, учтивость, любезность, галантность» (ЭССРЯ). Французское выражение *galant chevalier* – «любезный кавалер» употреблялось в светском обществе: *Он мало был знаком с Ириной, но очень ею интересовался и, увидав, что она лежит, как в забытии, <...> а потому счел своим долгом, d'un galant chevalier, прийти ей на помощь.* (Тургенев. Дым). (СИВиС). То же можно сказать о выражении *salant homme* – «порядочный, благородный человек», и во втором значении – «изысканно вежливый человек». В словаре В.И. Даля (а это 1-я половина Х1Х века) приводится именно та сочетаемость, какая дана Н.В. Гоголем в монологе Осипа: *галантерейная вежливость, лакейская* (Даль). Оба вышеназванных выражения встречаются в русской литературе прошлого века как иноязычные вкрапления на французском языке, написанные по-французски (СИВиС0). Во французском языке у слова *galanterie* несколько значений, оно обозначает 1. «Обходительность, вежливость», 2. Любовное томление, страсть (СИВиС).

Второе слово от голландского *galanterien* – «галантерейные товары» (*galanterie* – «галантерейный»). (ЭССРЯ). В СИС указано, что слово *галантерея* – «галантерейные товары» заимствовано из итальянского языка – *galanteria*. Самое интересное истолкование его в словаре В.И. Даля: в нем показана семантическая основа сближения двух самостоятельных слов *галантерейный* на базе общих сем «изысканность, франтоватость», «педантичность, утонченная вежливость» и «мелочность». Буквально у В. Даля: «Галантерейный *товарь, фрн.* Нарядный, щепетильный: кольца, перстни, серьги, цѣпочки, запонки». Все эти предметы галантереи, безусловно, не были в обиходе простого народа, не являлись вспомогательными деталями украшения их

внешности или костюма и могли восприниматься как изысканные, очень красивые. *Галантерейный товар* – это мелочи для щепетильного человека, а *щепетильный человек*, по Далю, чѣловекъ чопорный, докучливый, мелочной, занятый бездѣлушками, свѣтскими пустячками, внѣшними мелочами и придающий имъ важное значение» (Даль). Слово *щепетильный*, с помощью которого В.И. Даль истолковал семантику слова *галантерейный*, производное от устаревшего имени существительного *щепетиль* со значением «щегольство, образованного на базе диалектного глагола *щепетить* со значением «щеголять, франтить, модничать», восходящего к глаголу *щепать*, то есть «измельчать, крошить» (*щепка, отщепнуть*) (ЭССРЯ, Даль). Слово *щепетильный* использовалось для характеристики человека и раньше, а в современном русском языке в этой функции употребляется только оно, а не слово *галантерейный*. Интересно, что А. С. Пушкин слова *галантерейный* не употреблял в своих произведениях, его нет в «Словаре языка Пушкина» (СЯП). В романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкин, опираясь на сочетаемость слова *щепетильный*, употребил его так, что оно играет всеми своими значениями, потенциальными смыслами и коннотациями: *Всѣ, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный И по Балтическим волнам За лес и сало возит нам, Всѣ, что в Париже вкус голодный, Полезный промысел избрав, Изобретает для забав, Для роскоши, для неги модной ....*

Таким образом, получается, что в монологе Осипа Н.В. Гоголь использовал выражение *галантерейное обхождение* в полном соответствии с разговорным языком своего времени, поскольку в его время (а это время также В.И. Даля и А.С. Пушкина) оно устаревшим не было. Это подтверждает и факт его использования В. Г. Белинским без придания ему особой коннотации: *Вы видите деревенского слугу (Осипа), который пожил в Петербурге, постиг достоинство столичной жизни и галантерейного обращения.* (В. Г. Белинский. Горе от ума. Сочинение А.С. Грибоедова).

Однако вернемся к выражению *Благовоспитанность предполагает галантерейную, изысканную вульгарность* в переводном тексте лекции Набокова. Полагаем, что гоголевское *галантерейное обхождение* оказало свое влияние на выбор этой фразы

переводчиком лекции В.В. Набокова, тем самым она фактически оказывается еще и реминисценцией, выполняющей образную функцию в аспекте языковой игры. Словосочетание это весьма удачно подобрано, поскольку оно тянет за собой представление о среде людей низкого культурного уровня, говорящих на особом разговорном языке с элементами жеманности и слащавости. В этом выражении имеется богатая гамма коннотативных нюансов, позволяющих разным носителям языка выражать с его помощью различные оценочные смыслы. Так, если для Осипа *галантерейное обхождение* только безусловно хорошее и желаемое, то в контексте лекции В. Набокова оно передает оценку отрицательного стиля поведения, граничащего с пошлостью и вульгарностью..

Национальные особенности восприятия значения слова оказывают определенное влияние на само это значение, поскольку «существует общественно закрепленная семантика слова. Слово аккумулирует общественное коллективное знание, которое наследуется благодаря языку» [Верещагин, Костомаров 1980: 208]. Поскольку словосочетанием *галантерейное обхождение* обозначались существенные черты низкой культуры этноса как мировоззрения угодничества и подхалимажа, в этой культуре выработался особый стиль общения. Он оказался живучим, способным мимикрировать, и это словосочетание продолжает функционировать в современной речи для выражения иронии, насмешки, издевки и т.п., то есть с переоценкой закрепленного за словом содержания и прагматики, измененным общественным восприятием. «Все эти изменения в характере пользования словом, в способе его восприятия обычно сопровождается экспрессивной переоценкой слова» [Виноградов 1955: 23], что мы и наблюдаем в современной речи.

Например, *Обхождение теперь самое галантерейное: весь пакет социальных услуг, реальная помощь в покупке билетов, заказе гостиниц.* (О. Новикова. Сибирские огни. 2012 – пример из НКРЯ).

В примере явная реминисценция с намеком на фразу Осипа, она обеспечивает гамму иронии и обогащает смыслы фразы, естественно, что ее смысловой и прагматический потенциал не

будет воспринят теми, кто не знает монолога Осипа из пьесы «Ревизор» Н.В. Гоголя.

Заключение. Изучение особенностей переводных текстов лекций по русской литературе В.В. Набокова интересно не только с собственно лингвистической точки зрения, но и как образец мастерского использования русского языка для создания точных и ярких образов, соответствующих времени создания текстов, идейному содержанию и идиостилю великого писателя. Дело в том, что в переводных текстах при их сопоставлении с оригиналом мы наблюдаем результат сознательного и вдумчивого отношения к выбору слова, который может служить образцом отношения к языку любого человека, стремящегося к развитию своей языковой компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.

Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1955. № 1.

Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Пер. с английского. – М., 1996.

Потебня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. – М., 1976.

Nabokov V. Lectures on Russian literature. URL: https://archive.org/stream/VladimirNabokovLecturesOnRussianLiterature/Vladimir_Nabokov_Lectures_on_Russian_LiteratureBookFi.org_djvu.txt (date 25.01.2017)

Словари их условные сокращения

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова; Рос. акад. наук, ин-т лингвистич. исслед. – СПб., 1998;

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ (1903 – 1911), в 4-х томах. – М., 1994;

МАС-2 – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой, в 4-х томах. АН СССР, Институт русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981 – 1984;

РТС – Лопатин, В. В., Л. Е. Лопатина. Русский толковый словарь. – М., 2006;

СЯ XI – XVII – Словарь русского языка XI –XVII вв. Вып. 1 – 28. – М.: 1975 – 2008;

СИБИС – Бабкин А.М., Шендцов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. – СПб., 1981;

СИС – Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина и др. Изд. 6-е . перераб и доп. – М., 1964;

ТСХХI – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2007;

ТСУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. В 4-х томах. – М., 1935 – 1940;

ТСЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб., 1998;

Шан – Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. чл. кор. АН СССР С. Г. Бархударова. –М., 1971;

УССС – Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М., 1978;

ЭССРЯ – Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников. В 2-х томах. – М., 2010;

ЯП – Словарь языка Пушкина. В 4-х томах. АН СССР. 1961; Le Robert Micko. Dictionnaire d'apprentissage de la langue français. Rédaction dirigée par A. Rey. Paris, 1993.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка.

©Шипицына Г.М., 2017

©Огнева Е.А., 2017